К. 474

ЧЕГО НАМЪ ЖДАТЬ ОТЪ РЕВОЛЮЦІИ?

ЦБІБ
Т614
1130

Л. Тихомирова.

(Отдѣльный оттискъ изъ № 2 „Вѣстн. Народной Воли“.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе группы типографщиковъ Народной Воли.
1885.

1-и оф

ЦБ16
Т614
Библиотека ИМЭА
Ц106 70
600
30
2011
83

К.

ЧЕГО НАМЪ ЖДАТЬ ОТЪ РЕВОЛЮЦІИ?

I.

Каждая историческая эпоха у всякаго народа имѣетъ свое общее направленіе, вытекающее изъ самаго положенія народа, изъ условій его экономическаго развитія, его культуры, соотношенія слоевъ, изъ которыхъ онъ состоитъ и т. д. Выростая на фундаментѣ этихъ данныхъ и изъ нихъ самихъ, народная жизнь развивается также правильно и закономѣрно, какъ всякій другой процессъ въ мірѣ физическомъ или органическомъ. Соотношеніе естественныхъ общественныхъ силъ опредѣляетъ не только соціально-политическія потребности народа, но и способы ихъ удовлетворенія, а стало быть опредѣляетъ и характеръ стремленій, замѣчающихся въ разныхъ слояхъ населенія. Такимъ путемъ создается то, что мы называемъ логикой исторіи, историческимъ ходомъ событій и т. д.—сила стихійная, своротить которую съ выбраннаго ею пути не можетъ никто, именно потому, что самый путь не выбирается ею произвольно, а выражаетъ равнодѣйствующую линію, слагающуюся изъ комбинаціи тѣхъ силъ, внѣ которыхъ общество не заключаетъ въ себѣ ничего реальнаго, способнаго производить какое нибудь дѣйствіе.

Правильное представленіе объ этой силѣ и ея направленія — обязательно для каждаго общественнаго дѣятеля, п. ч. безъ соотвѣтствія съ нею — политическая программа не можетъ имѣть никакого значенія. Политическая программа должна отражать въ себѣ общее направленіе исторіи, а стало быть должна въ своемъ основаніи имѣть тѣ же самыя посылки, т. е., другими словами,

должна исходить изъ соображеній о дѣйствительно существующихъ нуждахъ, потребностяхъ и силахъ. Она должна брать народъ, каковъ онъ есть, и только въ этомъ случаѣ будетъ способна производить воздѣйствіе на его жизнь. Мертворожденность большой части русскихъ программъ обусловливается именно отсутствіемъ связи ихъ съ жизнью. И ужъ, конечно, не жизнь приходится въ этомъ случаѣ обвинять за безсиліе «партій», т. к. поборникъ книжной программы подчасъ является въ положеніи даже не Донъ-Кихота, борется даже не съ вѣтряными мельницами, а прямо на практикѣ подрываетъ то самое дѣло, за которое хотѣлъ бы стоять, судя по теоріи. Вдумайтесь, напримѣръ, въ положеніе внаго яко бы «консерватора», который по англійскимъ книжкамъ убѣдился, что Россія погибла, если не будетъ обладать сильнымъ дворянствомъ, но въ то же время прекрасно сознаетъ, что такого дворянства нѣтъ и даже, пожалуй, и быть не можетъ. Что за дикій разлитъ между теоріей и дѣйствительностью, и какую путаницу порождаетъ онъ на практикѣ. Передъ «консерваторомъ», «охранителемъ монархіи и дворянства, выростаетъ задача прежде всего создать еще самое дворянство, способное съ честью выполнить свою охранительную миссію; а для достиженія этого въ сущности можетъ быть необходимо разрушить существующую монархію, такъ что при нѣкоторой логикѣ и послѣдовательности нашъ крайній консерваторъ долженъ бы на практикѣ превратиться въ революціонера. Самъ Катковъ неоднократно приближался вплотную къ этой курьезной роли. Не лучше выходитъ иногда положеніе соціалиста, убѣжденнаго въ томъ, что для выработки матеріальныхъ условій, необходимыхъ для возможности соціалистическаго строя, Россія обязательно должна пройти черезъ стадію капитализма. Тутъ опять общественному дѣятелю приходится еще только хлопотать о созданіи класса, во имя котораго онъ хочетъ дѣйствовать, а для созданія будущаго класса рабочихъ приходится желать скорѣйшей расслоенировки тѣхъ милліоновъ рабочаго люда, которые существуютъ въ дѣйствительности, но, не будучи, къ несчастію, пролетаріями, не имѣютъ роли въ научной схемѣ соціальнаго прогресса. Положеніе, по истинѣ, трагическое. Будучи послѣдовательнымъ и ставя интересы революціи выше своей личной нравственной чистоплотности, соціалистъ тутъ долженъ былъ бы вступить прямо въ союзъ съ рыцарями «первоначальнаго накопленія», у которыхъ не дрогнетъ сердце и рука развивать разныя «прибавочныя стоимости» и «обтеснять» рабочихъ въ единоспасающемъ положеніи внпаго пролетарія. Но гдѣ же тогда различіе между соціалистомъ и [illegible]? Такихъ странныхъ положеній не мало можно бы указать въ сферѣ нашихъ политическихъ направленій. Не дурно, напр., поставленъ „конституціоналистъ“, который для ограниченія самодержавной власти не видитъ другихъ средствъ, кромѣ воли и милости самодержавнаго монарха. Не дурно положеніе иного «федералиста», призывающаго интеллигенцію къ созиданію цѣлыхъ десятковъ національностей для того, чтобы дѣйствовать во имя несуществующихъ пока желаній необособившихся пока національностей и такъ далѣе, и такъ далѣе.

Не станемъ впрочемъ множить примѣровъ такихъ программъ, при всемъ своемъ разнообразіи сходящихся на одинаковой глухотѣ къ требованіямъ дѣйствительной жизни. Слушая всѣ эти „нужно создать“ такой то классъ, да такой то народъ, невольно спрашиваешь себя: да неужели же въ Россіи, какова она есть теперь, не существуетъ никакихъ потребностей, нуждающихся въ удовлетвореніи, никакихъ страданій, требующихъ облегченія? Что же такое наконецъ эта Россія—рай ли земной, гдѣ уже нечего больше желать, или это нѣкоторое не безразмѣрное пустое мѣсто, на которомъ только въ будущемъ предвидится возникновеніе человѣческой жизни? Какъ назвать такое отношеніе къ странѣ, гдѣ во всякомъ случаѣ живетъ сотни милліоновъ человѣческихъ существъ, имѣющихъ, желающихъ и страдающихъ въ непосильной борьбѣ съ нуждой и эксплуатаціей.

Отношеніе дѣйствительно странное, и. ч., какъ извѣстно каждому, Россія вовсе не представляетъ обиталища блаженныхъ гипербореевъ, точно также какъ она не изъята изъ подъ дѣйствія общихъ соціальныхъ законовъ. Ея населеніе живетъ, работаетъ, желаетъ и думаетъ, какъ всѣ прочіе люди. Изъ столкновенія интересовъ и стремленій населенія, поставленнаго въ необходимость жить, дѣйствовать и думать въ извѣстной экономической и соціальной обстановкѣ—являются общественные вопросы, слагается и общее направленіе въ развитіи страны. Эти общественные вопросы во всякомъ случаѣ будутъ рѣшаться, и если ихъ кто нибудь игнорируетъ въ своей программѣ—тѣмъ хуже для программы. Общій ходъ развитія страны также идетъ своимъ чередомъ. Игнорируя его въ своихъ программахъ,—остаемся въ проигрышѣ опять только мы сами. Да впрочемъ, на самомъ дѣлѣ обстоятельства складываются даже и не такъ. Общій ходъ жизни — сила такая страшная, что волей неволей втягиваетъ въ свою колею каждаго,

даже не понимающаго, куда его жизнь тащитъ. Но печальна роль общественнаго дѣятеля, втянутаго такимъ образомъ въ движеніе, безъ умѣнія опредѣлить его настоящее направленіе! Не желая отдаться потоку просто, какъ отдается человѣкъ толпы, пытаясь постоянно регулировать событія, которыхъ смысла не понимаетъ, —онъ долженъ считать себя еще счастливымъ, если отдѣлается одними постоянными ударами о всѣ подводные камни и не будетъ вовсе выброшенъ на мель. Такъ вотъ настоящая судьба людей и партій съ безжизненными программами! Что касается простаго игнорированія требованій времени, то мы на каждомъ шагу можемъ видѣть, какъ невозможно удержаться на такой точкѣ, не отказываясь совсѣмъ отъ претензіи на общественную роль. Много яркихъ примѣровъ этого мы видѣли въ развитіи отношеній нашихъ партій къ вопросамъ о самодержавіи, народоправствѣ, конституціи и вообще къ такъ называемой политической дѣятельности. Отношеніе ко всѣмъ этимъ вопросамъ, можно сказать, просто навязано намъ самой жизнью, п. ч. она поддержала и усилила только группы и направленія, которыя умѣли въ наибольшей степени понять ея требованія, и стать сознательно работниками историческаго процесса. Тѣ, кто не умѣетъ или не хочетъ стать въ ихъ ряды, выбрасываются вонъ и обрекаются на политическое ничтожество. Въ мірѣ соціально-политическихъ идей тутъ происходитъ своего рода борьба за существованіе и естественный подборъ, выдвигающій впередъ лишь идею, наиболѣе приспособленную къ условіямъ, среди которыхъ она должна сформироваться въ партіонную программу. Это естественно, да и справедливо, п. ч. вѣдь и дѣйствительно—всякая общественная идея становится полезной для людей только въ томъ случаѣ, если способна осуществиться на практикѣ, т. е., другими словами, если достаточно приспособлена къ условіямъ среды.

Еще немного лѣтъ назадъ, интеллигентная мысль представляла два типа отношеній къ вопросу о политической дѣятельности. Соціалисты, исходя изъ анализа общественныхъ отношеній, сдѣланнаго ихъ учителями въ капиталистическихъ странахъ Европы, признавали политическую дѣятельность скорѣе вредною въ интересахъ собственно народной массы, т. к. полагали, что конституція у насъ будетъ орудіемъ организаціи буржуазіи, какимъ является въ Европѣ. На основаніи этихъ соображеній въ средѣ нашихъ соціалистовъ можно было даже встрѣтить мнѣніе, что изъ двухъ золъ — самодержавный царь для народа все таки лучше, нежели царь

конституціонный. Другое направленіе, т. н. либеральное, имѣло противоположный характеръ. Не вѣря ни въ политическую правоспособность народной массы, ни даже въ силу образованныхъ классовъ, это направленіе однако же настолько вѣрило въ самостоятельную силу самой формы политическихъ учрежденій, что считало возможнымъ ихъ возникновеніе даже волею самодержавнаго монарха. На ряду съ этими односторонними направленіями, въ русской интеллигентной мысли было уже, однако, разлито нѣчто имъ противоположное, хотя и не умѣвшее сформулироваться, такъ что оно скорѣе чувствовало, чѣмъ сознавало свое право на политическое существованіе. Мы говоримъ о томъ духѣ, который съ одной стороны не позволялъ лучшей части интеллигенціи дѣлаться либералами и побуждалъ ее становиться постоянно подъ знамя соціализма, но съ другой стороны толкалъ ее, даже въ противность собственнымъ теоретическимъ взглядамъ, къ борьбѣ противъ самодержавія. Не характерно ли въ самомъ дѣлѣ, что Каракозовъ вышелъ изъ рядовъ соціалистическаго кружка, выбравшаго себѣ даже названіе „Земли и Воли“, точно также какъ Соловьевъ появился изъ самой глубины народническаго, антиполитическаго потока, и нашелъ себѣ пособниковъ среди членовъ кружка, подобно первому, называвшаго себя «Землей и Волей». Такимъ образомъ русская революціонная интеллигенція въ общей массѣ никакъ не могла отрѣшиться отъ борьбы противъ политическаго гнета, точно также какъ отъ соціализма, слишкомъ тѣсно ограничиваемаго въ ея теоретическихъ представленіяхъ — одними экономическими отношеніями.

Все это, однако, дѣлалось только невольно и само собой. Идея дѣйствительной равноправности политическаго и экономическаго элементовъ въ партіонной программѣ—нашла себѣ ясное и громкое признаніе только съ появленіемъ Народовольства. Тѣсная связь этихъ обоихъ элементовъ въ общественной жизни сдѣлалась мало по малу очевидной съ тѣхъ поръ, какъ соціалисты перешли къ практической дѣятельности. Совершенно помимо желанія, и въ противность предвзятымъ теоретическимъ взглядамъ, они должны были убѣдиться при этомъ, какъ неизбѣжна политическая борьба, какъ она сама навязывается каждому общественному дѣятелю. Послѣ этого опыта соціалисты могли уже сознательно понять тотъ характеръ историческаго развитія Россіи, который они до сихъ поръ смутно ощущали. Народовольская программа была первымъ гласнымъ проявленіемъ этого сознанія.

Дѣйствительность сразу показала, какъ много силы даетъ общественному дѣятелю такое сознательное отношеніе къ жизни. Соціалисты въ Народовольствѣ первый разъ доросли до значенія партіи, и притомъ партіи, быть можетъ, наиболѣе сильной въ странѣ, точно также какъ въ самое непродолжительное время достигли огромныхъ результатовъ въ своей партіонной борьбѣ. Съ этой стороны практика народовольства послужила для массы интеллигенціи своего рода историческимъ опытомъ, который и оказалъ огромное нравственное давленіе на развитіе нашей интеллигентной мысли. Идея политическаго переворота получила непредставимое до тѣхъ поръ распространеніе и авторитетъ. О политическихъ вольностяхъ заговорили всѣ. Въ лагерѣ противниковъ конституціи остались, кажется, почти только одни чистые реакціонеры; изъ числа же соціалистовъ на сторону конституціи стали мало по малу даже самые ярые ея противники, бывшіе основатели «Чернаго Передѣла». Короче говоря—съ тѣхъ поръ, какъ политическая демократическая идея получила признаніе въ наиболѣе дѣятельной части соціалистовъ-революціонеровъ, и въ свою очередь наградила ихъ огромными успѣхами, ея давленіе сдѣлалось неотразимо.

Къ сожалѣнію, въ нѣкоторыхъ слояхъ соціалистовъ идея эта приняла формы, которыя извращаютъ, по нашему мнѣнію, самую сущность ея. Тутъ случился именно тотъ казусъ, о которомъ мы говорили раньше. Люди, втянутые въ движеніе болѣе внѣшнею его силою, чѣмъ внутреннимъ смысломъ—пытаются дать ему направленіе, совершенно несообразное съ его природнымъ русломъ. Политическая борьба сдѣлалась такимъ безапеляціоннымъ выводомъ русской жизни, которому отрицать никто не рѣшается. Но не рѣшаясь на это, нѣкоторая часть соціалистовъ точно также не можетъ привести этотъ выводъ въ связь съ привычными теоретическими взглядами, и въ попыткахъ связать ее приходитъ къ искусственнымъ построеніямъ, совершенно искажающимъ смыслъ политической борьбы, предпринятой «Народной Волей». Исходя изъ мысли, что Россія должна будто бы неизбѣжно пройти черезъ фазисъ капиталистическаго развитія для того, чтобы стать способной къ воспріятію и осуществленію идей соціализма, они стараются увлечь русскихъ революціонеровъ на путь борьбы чисто политической, исключительно за конституцію, оставивъ, какъ невозможную фантазію, всякую мысль одновременно съ переворотомъ политическимъ достигнуть въ большей или меньшей степени экономическаго переворота. Такое стремленіе, говорятъ соціалисты этой формаціи, только вредно, п. ч. пугаетъ либераловъ «краснымъ призракомъ» и лишаетъ насъ ихъ содѣйствія при борьбѣ за конституцію. Наша дѣятельность, какъ соціалистовъ, низводится при этомъ только къ посильной пропагандѣ соціалистическихъ идей между рабочими, да организаціи ихъ... насколько, разумѣется, это возможно при современныхъ полицейскихъ условіяхъ, и при стараніи не потревожить либераловъ «краснымъ призракомъ».

Трудно привести болѣе яркое вещественное доказательство побѣды, одержанной въ Россіи идеей политической борьбы. За политическую борьбу высказываются нынче даже люди, которые не надѣются изъ нея извлечь ничего, кромѣ конституціи; для достиженія этой конституціи соціалисты рѣшаются даже требовать, чтобы либераловъ не пугали «краснымъ призракомъ». Это значитъ—доходить уже даже до самопожертвованія. Но если такія программы, въ смыслѣ знаменія времени, косвенно могутъ наводить даже на очень отрадныя размышленія, то прямое дѣйствіе ихъ на революціонную среду нельзя все таки не признать очень вреднымъ. Собственно — до сихъ поръ намъ не приходилось видѣть въ литературѣ такого изложенія этихъ взглядовъ, которое бы позволило читателю вполнѣ уяснить себѣ причины, напр., хоть бы чрезмѣрнаго пристрастія къ конституціи. Оно является нѣсколько непонятнымъ, какъ вообще всѣ эти программы,—и въ цѣломъ производятъ впечатлѣніе чего-то недоговореннаго, не вполнѣ опредѣлившагося. Онѣ, однако, порождаются одной общей точкой зрѣнія, уже вполнѣ опредѣленной, создающей направленіе, о которомъ мы считаемъ небезполезнымъ сказать нѣсколько словъ особо, имѣя въ виду какъ его разлагающее вліяніе на революціонную партію, такъ и косвенное выясненіе нѣкоторыхъ сторонъ собственной программы.

II.

Мы говоримъ о томъ направленіи, которое считаетъ исторической неизбѣжностью русскій капитализмъ, и, мирясь яко бы съ этимъ неизбѣжнымъ фактомъ, утѣшаетъ себя мыслью, что безъ прохожденія черезъ школу капитализма Россія не могла бы стать способной къ осуществленію соціалистическаго строя. Съ этой точки зрѣнія—только одинъ шагъ остается до прямаго содѣйствія капитализму, какъ необходимой предварительной ступени развитія. И едва ли мы не дѣлаемъ этого шага, начиная толковать съ пре-

увеличенной нѣжностью даже о такой конституціи, ради самомъ достиженія которой вынуждены не запугивать буржуа «краснымъ призракомъ». Во всякомъ случаѣ это логичный выводъ изъ посылокъ, хотя далеко не послѣдній. Человѣкъ, вполнѣ послѣдовательный и умѣющій для интересовъ дѣла подавлять свои личные вкусы и склонности, пойдетъ, конечно, дальше. Если для организаціи крупнаго производства, безъ котораго мы не можемъ перейти къ соціализму, необходимо перейти черезъ школу капитализма — то прямая гражданская обязанность требуетъ отъ него временно совсѣмъ поступиться своими стремленіями соціалиста, даже, пожалуй, позабыть о нихъ. Намъ могутъ возразить: зачѣмъ доводить дѣло до абсурда? Развѣ мы не можемъ ограничиться пропагандой и организаціей среди тѣхъ рабочихъ, которыхъ намъ вырабатываетъ капитализмъ самостоятельно? Ограничиться, конечно, можно чѣмъ угодно, можно даже совсѣмъ ничего не дѣлать. Но въ странѣ, гдѣ на 100 мил. жителей приходится всего 800,000 рабочихъ, „объединенныхъ" капитализмомъ, да и объединенныхъ то очень плохо, п. ч. изъ нихъ три четверти вовсе не пролетаріи, а половина работаетъ на фабрикахъ временно и чуть не случайно — въ такой странѣ чисто жизненный и стихійный процессъ, увеличивающій и объединяющій армію рабочихъ на почвѣ крупнаго производства, разумѣется, гораздо нужнѣе, чѣмъ соціалистическая пропаганда. При томъ—число фабрично-заводскихъ рабочихъ у насъ тоже не возрастаетъ, а быть можетъ даже совсѣмъ стоитъ на одной цифрѣ. Промышленность развивается туго. Она постоянно и во всемъ жалуется на недостатокъ интеллигентныхъ и энергичныхъ силъ. При такомъ положеніи дѣлъ, вовсе не нужно быть пристрастнымъ къ парадоксамъ для того, чтобы временно отречься отъ соціализма и приложить свои силы къ расширенію и укрѣпленію капитализма, если онъ такъ безусловно необходимъ. А съ этой точки зрѣнія—соціализмъ лучше будетъ уже совершенно оставить. Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати мы будемъ заражать интеллигенцію идеями, при которыхъ она дѣлается неспособной грабить рабочаго съ чистой совѣстью и энергіей? Съ какой стати мы будемъ самого рабочаго напитывать соціалистическими идеями, отвлекающими въ этомъ классѣ лучшія силы отъ стремленія къ капиталистической карьерѣ, которую никто не совершаетъ успѣшнѣе, чѣмъ выходцы изъ среды самихъ рабочихъ? Не нужно также забывать, что для развитія нашего капитализма дѣйствительно необходима конституція и конституція именно по возможности болѣе буржуазная, возможно болѣе облегчающая буржуазіи выполненіе ей исторической миссіи. Но для того, чтобы придать буржуазіи храбрость пойти противъ правительства, для того, чтобы побудить ее въ этомъ случаѣ принять наши услуги—развѣ благоразумно пугать ее при этомъ «краснымъ призракомъ»? Конечно нѣтъ: это намъ даже теперь напоминаютъ нѣкоторые соціалисты. А развѣ соціалистическая пропаганда между рабочими, совершенно преждевременная по малому ихъ числу, не составляетъ проявленія «краснаго призрака»? Тѣмъ болѣе это должно сказать объ организаціи рабочихъ. Вѣдь распространяя между рабочими соціалистическія идеи, да еще вводя и кой-какую организацію, — немыслимо удержать ихъ отъ протеста, бунта и даже фабричнаго террора.

При настоящемъ положеніи Россіи, русскаго капитализма, русскаго фабричнаго рабочаго — пропаганда политической борьбы должна временно приводить человѣка, вѣрующаго въ историческую необходимость капитализма, — къ полному отказу отъ соціализма. Рабочій, способный къ классовой диктатурѣ, почти не существуетъ. Стало быть, политической власти ему не доставишь. Не гораздо ли выгоднѣе временно совершенно оставить соціализмъ, какъ безполезную и вредную помѣху ближайшей и необходимой цѣли? Такъ разсудитъ человѣкъ послѣдовательный и умѣющій собой жертвовать.

Безъ сомнѣнія, масса русскихъ соціалистовъ не можетъ стать на такую точку зрѣнія, и будетъ продолжать политическую борьбу съ мыслью осуществить власть народа, а стало быть, стараясь укрѣпить и упрочить ее возможно большимъ увеличеніемъ его экономической и нравственной независимости. Въ самомъ дѣлѣ—для чего намъ нужна конституція? Вѣдь не для того же, чтобы дать буржуазіи новыя средства для организаціи и дисциплинированья рабочаго класса посредствомъ обезземеленія, штрафовъ и зуботычинъ. Такимъ образомъ бросаться прямо въ омутъ головой можетъ лишь человѣкъ, вполнѣ преклонившійся предъ неизбѣжностью и необходимостью капитализма въ Россіи. Но не основана ли аргументація его сторонниковъ на цѣломъ рядѣ софизмовъ?

Намъ указываютъ на Францію, на Германію, гдѣ капитализмъ объединилъ рабочихъ. Стало быть—онъ необходимъ и для объединенія нашихъ. Совершенно такимъ же способомъ аргументируютъ защитники рабства. Они также указываютъ на роль рабства въ первобытной исторіи, гдѣ оно пріучило дикаго къ труду, дисциплинировало аффекты человѣка и усилило производительность тру-

да. Все это совершенно справедливо. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы миссіонеръ въ Центральной Африкѣ занялся обращеніемъ негровъ въ рабство, или чтобы педагогъ примѣнилъ систему рабскаго принужденія къ воспитанію дѣтей?

Исторія человѣчества идетъ подчасъ самыми невѣроятными путями. Мы уже не вѣримъ въ десницу божію, направляющую каждый шагъ человѣчества и указывающую ему наиболѣе вѣрные и скорые пути къ прогрессу. Напротивъ, эти пути въ исторіи бывали иной разъ слишкомъ кривыми и наиболѣе рискованными изо всѣхъ, какіе можно придумать. Случалось, конечно, что историческій фактъ, вредный и задерживающій развитіе людей одними сторонами своими—другими напротивъ служилъ дѣлу прогресса. Таково было значеніе и рабства. Оно дѣйствительно было школою труда. Но эта школа не лучшая и не единственная. Современная педагогія доказала, что рабское принужденіе—это самый худшій изо всѣхъ способовъ пріученія къ труду. Она развиваетъ въ дѣтяхъ трудолюбіе, дисциплинируетъ ихъ и пріучаетъ къ самообладанію совершенно не тѣми средствами, какими это дѣлала исторія, достигая тѣхъ же полезныхъ результатовъ, но избѣгая всѣхъ золъ, порождаемыхъ историческими средствами. Точно такое и миссіонеръ, трудящійся на пользу дикихъ, поступилъ бы не только безнравственно, но прямо неразсчетливо, если бы началъ ихъ обращать въ рабство, въ то время, когда могучая культура Европы даетъ тысячи средствъ возбудить любознательность дикаря, развить его потребности, наэлектризовать его нравственно,—словомъ дать ему множество побужденій къ труду, гораздо болѣе сильныхъ, чѣмъ палка рабовладѣльца. Точно также по вопросу о развитіи крупнаго производства — позволительно усумниться, чтобы пути исторіи были въ этомъ отношеніи лучшими и на вѣки для всѣхъ народовъ единственно возможными. Совершенно вѣрно, что въ исторіи нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ капитализмъ, породивши массу зла и несчастій, имѣлъ однако же однимъ изъ своихъ послѣдствій нѣчто и хорошее, а именно созданіе крупнаго производства, посредствомъ котораго подготовилъ до нѣкоторой степени почву для соціализма. Но ни откуда не слѣдуетъ, чтобы другія страны, напримѣръ Россія, не имѣли для развитія крупнаго производства другихъ путей. Ни откуда не слѣдуетъ также, чтобы организація національнаго производства путемъ частной предпріимчивости конкуррирующихъ между собою капиталистовъ—была наилучшимъ средствомъ для раціональной постановки народнаго хозяйства вообще, а особенно для такой его организаціи, которая, сплачивая рабочихъ, пріучала бы ихъ къ завѣдыванію общественными дѣлами, развивала въ нихъ гражданскія чувства и проч.—словомъ приготовляла бы рабочихъ къ соціалистическому строю. Совершенно напротивъ, все заставляетъ думать, что тотъ способъ обобществленія труда, къ которому былъ способенъ капитализмъ—одинъ изъ самыхъ худшихъ, потому что онъ, дѣйствительно подготовляя во многомъ возможность соціалистическаго строя, въ то же время другими своими сторонами отдаляетъ моментъ его наступленія. Такъ напримѣръ, капитализмъ, наряду съ механическимъ сплачиваніемъ рабочихъ, развиваетъ среди нихъ конкурренцію, подрывающую ихъ нравственное единство; точно также онъ стремится держать рабочихъ на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ развитія, чѣмъ это возможно по общему состоянію культуры; точно также онъ прямо отучаетъ рабочихъ отъ всякаго контроля за общимъ ходомъ производства и т. д. Всѣ эти вредныя стороны капиталистическаго обобществленія труда—не подрываютъ окончательно значенія хорошихъ сторонъ, но во всякомъ случаѣ—бросаютъ въ колесо исторіи цѣлый рядъ толстыхъ палокъ, безъ сомнѣнія замедляющихъ ея движеніе къ соціалистическому строю.

Не сотворяйте же кумира изъ частнаго предпринимательскаго капитала. Не старайтесь для него слишкомъ ужъ усердно; тѣмъ паче, что большой еще вопросъ, съумѣетъ ли такого рода капиталъ сдѣлать для Россіи хоть то, что сдѣлалъ для Европы. Наше современное положеніе значительно разнится отъ положенія европейскихъ странъ, въ моментъ, когда онѣ начали организовывать національное производство на основѣ частнаго капитала. Тамъ частный предприниматель имѣлъ предъ собою громадные рынки и не имѣлъ особенно страшной для себя конкурренціи. У насъ совсѣмъ почти нѣтъ рынковъ, и частный предприниматель въ каждомъ начинаніи встрѣчаетъ непосильную конкурренцію европейскаго и американскаго производства. Съ одной стороны, стало быть, нашъ частный предприниматель имѣетъ передъ собою задачу гораздо болѣе трудную, если не вовсе безнадежную. Съ другой стороны—у насъ, именно можетъ быть потому, гораздо легче можетъ возникнуть мысль о производствѣ прямо національномъ. Въ европейскихъ странахъ, при началѣ ихъ капиталистической карьеры, идея національнаго производства мало возникала, потому что частный капиталъ, худо ли, хорошо ли, могъ брать на себя эту функцію. У насъ—положеніе дѣлъ иное, и въ этомъ смыслѣ луч-

шее, потому что Европѣ приходилось идти ощупью; мы же, благодаря ея опыту, имѣемъ возможность идти сознательно, тѣмъ болѣе, что самое безсиліе частнаго предпринимателя заставляетъ замѣнить его чѣмъ нибудь другимъ. Объ этомъ мы, впрочемъ, скажемъ еще нѣсколько словъ въ послѣдующихъ главахъ, гдѣ стараемся намѣтить въ общихъ чертахъ цѣли и средства нашей революціи.

Во всякомъ случаѣ, масса русскихъ соціалистовъ, конечно, не станетъ бороться за конституцію, если будетъ въ ней видѣть средство для усиленія буржуазіи и развитія капитализма. Масса русскихъ соціалистовъ не удовлетворится и перспективою большей свободы дѣйствія, которую конституція даетъ соціалистамъ, большей свободы организаціи, которая явится для рабочихъ. Все это очень хорошо, но свобода, предоставляемая конституціей соціалистамъ и рабочимъ—тѣсно связана съ той степенью политической власти въ государствѣ, которая будетъ реально, на самомъ дѣлѣ принадлежать массѣ народа. Вѣдь и сама конституція, дающая права народу, только отражаетъ собою то дѣйствительное, фактическое господство, которое народъ пріобрѣтаетъ въ моментъ революціоннаго взрыва. Но эта власть, это господство его во время революціи создаются факторами, которые не могутъ быть постоянными. Высокій подъемъ духа, крайнее напряженіе чувства, неспособные уже сдерживаться, ненависть къ гнету и произволу, энтузіастическое стремленіе къ справедливости, равенству и т. д. —вотъ откуда рождается нравственное единство народа во время революціи, его сила и господство. Но высота нервнаго напряженія проходитъ, а съ нею оскудѣваетъ и источникъ политической силы народа. А между тѣмъ давленіе общественныхъ условій, въ видѣ мелкихъ, но постоянныхъ, систематически повторяющихся фактовъ —продолжается безъ перерыва. Оно падаетъ на массу капля за каплей, пробиваетъ, протачиваетъ народную силу, и можетъ, конечно, привести ее къ полному разрушенію. Поэтому народъ, а ужъ особенно сознательные революціонные элементы его, должны непремѣнно позаботиться о томъ, чтобы, пользуясь недолгимъ моментомъ революціоннаго господства массы, создать въ самой обыденной обстановкѣ ея жизни, можетъ быть болѣе мелкіе, но постоянные источники силы и власти. Вотъ почему необходима и сама конституція—какъ торжественное оффиціальное признаніе правъ народа. Разумѣется, нарушать можно всякое слово и взятый договоръ; однако же—договоръ все таки имѣетъ значеніе, потому

что безнаказанное притѣсненіе народа съ нарушеніемъ закона требуетъ большей силы, чѣмъ притѣсненіе народа безъ нарушенія закона. Создавая благопріятный народу законъ, мы затрудняемъ до нѣкоторой степени притѣсненія. Точно также мы должны, пользуясь моментомъ—позаботиться о созданіи ряда учрежденій, обезпечивающихъ постоянную организацію народа. Точно также—мы должны сдѣлать все, что возможно для увеличенія нравственной и умственной независимости народа. Наконецъ—можемъ ли мы забывать, въ какой огромной степени пользованіе правами, предоставленными закономъ, опредѣляется для народа его экономической независимостью? Принимая участіе въ политической борьбѣ, могутъ ли соціалисты не попытаться измѣнить экономическія условія въ пользу народной независимости? Ничего этого соціалисты наши не могутъ позабыть и будутъ, конечно, вести борьбу въ томъ духѣ, въ какомъ ее начала Народная Воля—стараясь достигнуть переворота политическаго, подкрѣпленнаго экономическимъ. Но печально, что въ разгаръ этой тяжелой борьбы—они могутъ увидѣть свои ряды разрѣженными. Буржуа, слабые, нерѣшительные, немѣющіе почвы подъ ногами—увидятъ себя напротивъ подкрѣпленными частью соціалистовъ, отчаявшихся въ возможности народной побѣды, фактически перешедшихъ, подъ вліяніемъ ни на чемъ не основанныхъ предразсудковъ—въ ряды злѣйшихъ враговъ народа. Какое печальное зрѣлище разложенія! Конечно, можно быть увѣреннымъ, что даже такая нежиданная помощь не дастъ окончательной побѣды буржуазіи и капитализму. Но сколько лишнихъ препятствій прійдется преодолѣвать народному дѣлу, сколько лишнихъ жертвъ будетъ стоить его торжество, и—какъ знать—на сколько времени оно даже можетъ замедлиться!

III.

Здравое политическое чутье вывело русскихъ революціонеровъ на путь ихъ героической борьбы, въ которой они являются, какъ сознательный элементъ безсознательнаго историческаго процесса. Но повторяемъ—борьба наша есть борьба за власть народа *),

*) Мы не хотѣли бы отвлекаться въ сторону, разбирая вопросъ, осуществима ли власть народа и представима ли въ общественныхъ отношеніяхъ его воля внѣ соціалистическаго строя. Нѣсколько словъ объ этомъ сказать однако необходимо. Все на свѣтѣ—относительно. Нѣтъ

и имѣетъ прогрессивное значеніе лишь постольку, поскольку сохраняетъ этотъ характеръ, который подсказывается ей самымъ ходомъ народной жизни. Послѣдняя эпоха русской исторіи представляетъ два выдающіяся явленія: банкротство самодержавной монархіи и постепенное выхожденіе народной массы на арену общественной жизни. Критическій моментъ для самодержавія наступилъ уже давно, еще съ того времени, когда исторія поставила передъ нимъ сложныя задачи соціально-экономическаго характера. Монархія уже по одному чувству самосохраненія, подъ вліяніемъ уже однихъ военныхъ столкновеній, не могла не взять на себя выполненія этой новой задачи—дать народу такую организацію, при которой онъ могъ бы развивать свои производительныя силы наравнѣ съ сосѣдями, но задача эта оказалась совершенно непосильной. Она и дѣйствительно для выполненія своего требуетъ многаго такого, что въ корнѣ подрываетъ самое самодержавіе. Какимъ образомъ вести соціальную организацію народа безъ развитія въ странѣ науки, просвѣщенія, безъ появленія, стало быть, развитой личности, безъ формированья интеллигенціи? Какимъ образомъ правильно организовать общественныя отношенія безъ общественной самодѣятельности, безъ общественнаго контроля за всѣмъ ходомъ дѣлъ? Еслибы самодержавная монархія могла при выполненіи такой задачи опереться на какое нибудь сословіе, достаточно сильное, чтобы организовать народъ, его производство и т. д.—дѣло бы конечно упростилось. Но такихъ сословій Россія не имѣла, какъ не имѣетъ и до сихъ поръ. Въ срединѣ прошлаго столѣтія самодержавіе рѣшило вопросъ, вступивъ въ союзъ съ мелкимъ служилымъ сословіемъ, единственнымъ, бывшимъ подъ руками, хотя почти не имѣвшимъ никакого классоваго характера. Такъ сложилось

такого безобразнаго строя, гдѣ власть и воля народа не осуществлялись бы въ политически соціальныхъ отношеніяхъ ни на волосъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что съ такою степенью отчетливости, которую мы—при настоящемъ нашемъ отношеніи къ народу и личности—считаемъ уже обязательною, власть и воля народа, внѣ соціалистическаго строя—осуществлены быть не могутъ. Но, повторяемъ, на все есть свои степени. Мы говоримъ о такомъ проявленіи власти народа и его воли, которое только *преобладало* бы въ значительной степени надъ проявленіями власти другихъ общественныхъ группъ. Въ такой степени—осуществленіе народной воли и власти, по нашему мнѣнію, вполнѣ возможно, и стремленіе къ этому должно составлять всю сущность нашей политической борьбы.

ва скорую руку наше дворянство и крѣпостное право *). Это было все, что могло придумать самодержавіе для организаціи Россіи. Крѣпостное право—таково оказалось его послѣднее слово. Соціальная несостоятельность монархіи выказалась въ полномъ блескѣ.

Здѣсь не мѣсто судить исторію и разбирать, могла ли она поступить иначе, чѣмъ пошла. Какъ-бы то ни было, новое дворянское царство оказалось такъ слабо, что съ указа о вольности протянуло еле-еле 100 лѣтъ. Не прошло 20 лѣтъ со времени героическаго періода крѣпостничества, какъ уже сами цари начинаютъ помышлять о реформѣ. Дворянство, какъ сословіе, не умѣетъ выработать въ себѣ ни матеріальной, ни нравственной силы. Оно само порождаетъ демократовъ, революціонеровъ, соціалистовъ. При Николаѣ крѣпостной строй едва не приводитъ къ гибели самой монархіи, въ погромѣ Крымской кампаніи. Съ 1861 г. разложеніе стараго строя начинается уже явнымъ образомъ и идетъ постоянно ускоряющимся шагомъ вплоть до нашихъ дней, представляющихъ, повидимому, начало настоящей соціальной революціи.

Этотъ процессъ разрушенія самодержавія вызывается причинами, совершенно не устранимыми. Правильная соціальная организація страны необходима: безъ нея невозможно жить, работать, питаться наконецъ. А между тѣмъ система абсолютистскихъ учрежденій, съ одной стороны, неспособна удовлетворить потребностямъ страны, съ другой — самымъ своимъ существованіемъ пресѣкаетъ возможность появленія какой нибудь самостоятельной организаціи народной жизни. Положеніе страны дѣлается безвыходнымъ: передъ ней остается одинъ путь—снести долой самодержавіе. Въ то же время само соціальное безсиліе послѣдняго создаетъ условія, необходимыя для его разрушенія. Подрывая развитіе производительныхъ силъ страны, самодержавный строй подрываетъ тѣмъ и свои собственныя средства къ существованію; препятствуя возникновенію правильной общественной организаціи, онъ повсюду создаетъ недовольство существующимъ порядкомъ и недовѣріе къ силѣ правительства или даже къ его благимъ намѣреніямъ. Наконецъ—въ то время, когда такое смутное и затруднительное положеніе дѣлъ требуетъ защиты правительства особенно умными и энергич-

*) Мы говоримъ, разумѣется, о крѣпостномъ правѣ императорскаго періода, когда оно впервые приняло характеръ подчиненія одного класса—другому. Самое существованіе дворянства, какъ сословія дѣйствительно господствующаго, можно признать не раньше указа о вольности.

ными агентами—государство ихъ не можетъ совершенно найти, п. ч. въ средѣ интеллигенціи встрѣчается уже даже не безсознательное недовольство массъ, а прямую оппозицію и сознательное отрицаніе всего самодержавнаго строя.

Дѣйствительно, наша интеллигенція издавна отличалась особенной чуткостью къ тому историческому процессу, который, дѣлая самодержавіе настоящимъ проклятіемъ Россіи, приводитъ его въ то же время къ постепенному разрушенію. Съ самаго начала крѣпостной имперіи интеллигенція, едва возникающая, стала относиться къ ней очень критически. Недостатки новаго строя, впрочемъ сами бросались въ глаза. Помимо своего пагубнаго значенія для умственнаго и нравственнаго развитія страны, онъ не могъ имѣть и устойчивости, п. ч. держался на фикціи. Въ сущности, дворянство у насъ властвовало вовсе не потому, что обладало достаточною матеріальною силою для удержанія въ покорности народныхъ массъ. Власть его держалась потому, что народъ позволилъ, такъ сказать, своему воображаемому представителю, царю, дать дворянству привилегіи, во имя какихъ то своихъ государственныхъ цѣлей, т. е. предполагается въ концѣ концовъ на благо самому же народу. Мы говоримъ: на благо народу, потому что идея государственной пользы у насъ невольно сливается съ идеей народнаго блага, такъ какъ населеніе страны состоитъ изъ массы рабочаго народа, а не изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ, равносильныхъ сословій, одинаково способныхъ перехватывать на себя идею государственной пользы.

Защитники дворянства и буржуазіи, и сами цари первые—не разъ пытались водворять у насъ идею сословныхъ правъ, но эти жалкія фразы такъ рѣзко противорѣчатъ дѣйствительной соціальной структурѣ населенія, что не могли оказывать никакого вліянія. Для народа и для революціонной интеллигенціи идея государственнаго блага, отождествляемаго съ народнымъ, всегда носилась выше всякихъ сословныхъ правъ. Народъ признавалъ дворянскія привилегіи только какъ проявленіе воли царя. Интеллигенція точно также не могла разсматривать ихъ какъ право историческое, а оцѣнивала ихъ смыслъ съ утилитарно-общественной точки зрѣнія. Понятно, что такой критики дворянскія права неспособны были выдержать, какъ не выдерживаютъ нынѣ претензіи буржуазіи. Такимъ образомъ критика и отрицаніе естественно переходили затѣмъ и на самую монархію, неспособную создать для Россіи другой, сколько нибудь болѣе разумной и справедливой организаціи.

310670.

И вотъ съ самаго возникновенія интеллигенціи, она, становясь вмѣстѣ съ Новиковымъ и Радищевымъ на сторону угнетеннаго народа, вмѣстѣ съ Княжнинымъ громко заявляетъ, что

Самодержавіе всѣхъ этихъ золъ содѣтель.

Интеллигенція становилась однако же на сторону народа вовсе не изъ однихъ филантропическихъ побужденій. Она уважаетъ и цѣнитъ народъ какъ общественную силу. Это уваженіе къ народу составляетъ въ интеллигенціи такой же откликъ историческаго процесса, какъ ненависть къ самодержавію. Едва ли вѣра въ народную массу доходила гдѣ нибудь до такой интенсивности, какъ въ рядахъ нашей интеллигенціи, переходя здѣсь подчасъ всѣ границы дозволительнаго увлеченія. Но оставляя въ сторонѣ увлеченія, мы все таки полагаемъ, что основаніе такого отношенія къ массѣ было вполнѣ реальное. Оцѣнка общественныхъ силъ—волей неволей принуждена быть относительной. Значеніе массы опредѣляется не только ея собственнымъ содержаніемъ, но и сравненіемъ его съ содержаніемъ и силою другихъ общественныхъ слоевъ. А съ этой точки зрѣнія, значеніе народной массы въ Россіи возрастаетъ до чрезвычайности. Ни по нравственной силѣ, ни по ясности общественнаго самосознанія, ни по вытекающей отсюда исторической устойчивости—мы ни одинъ изъ нашихъ общественныхъ слоевъ не можемъ поставить рядомъ съ крестьянско-рабочимъ классомъ. Приходится иногда слышать замѣчаніе, что самосознаніе его сословное, а не классовое. Едва ли однако это замѣчаніе основательно. Нашъ крестьянинъ видитъ своего человѣка прежде всего въ р а б о ч е м ъ. Его отношенія къ кулаку, какъ извѣстно, вовсе не отличаются особеннымъ дружелюбіемъ. Трудовое начало служитъ основаніемъ нравственнаго единства нашего рабочаго класса. Прилагая эту мѣрку, рабочій, конечно, можетъ иногда ошибаться, но это случается и при всякомъ другомъ критеріи. Пролетарій европейскій, получая проценты со своихъ сбереженій изъ *caisse d'épargne*, тоже не перестаетъ считаться пролетаріемъ до тѣхъ поръ, пока сумма, получаемая такимъ образомъ, не переходитъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ границъ. Во всякомъ случаѣ общественное самосознаніе у нашего рабочаго, сравнительно съ другими слоями, очень ясно развито, причемъ сознаніе своего единства представляетъ у народа даже поступательное движеніе. Крѣпостная эпоха, такъ ярко разоблачившая отсутствіе дворянства, какъ сословія, крестьянству послужила напротивъ школой, которой оно воспользовалось очень хорошо. И эта относительная сплоченность народа

не только производитъ впечатлѣніе силы, но и дѣйствительно составляетъ силу, съ которою едва ли можетъ потягаться какое нибудь другое изъ нашихъ сословій. Впечатлѣніе интеллигенціи не обманываетъ ея, и въ моментъ окончательной развязки современной путаницы политическихъ отношеній—народъ конечно выступитъ болѣе сплоченнымъ, чѣмъ хотя бы прославленная буржуазія.

А моментъ этотъ едва ли далекъ отъ насъ. Революція могла бы быть предотвращена только посредствомъ такой соціально-экономической организаціи страны, которая позволила бы народу развивать свои производительныя силы хоть приблизительно наравнѣ съ нашими европейскими сосѣдями. Самодержавная власть, безсильная выполнить эту задачу, и продолжая влачить свое существованіе, дѣлаетъ положеніе вещей все болѣе „невозможнымъ". И нѣтъ въ Россіи такого класса, который обладалъ бы достаточной силой для организаціи страны. Мы идемъ къ катастрофѣ. Попытки правительства затормозить это движеніе, посредствомъ поощренія то буржуазіи, то дворянства– создаютъ больше усиленіе эксплуатаціи, чѣмъ организацію производительныхъ силъ и только ускоряетъ наступленіе страшнаго и торжественнаго момента, когда Россія съ размаху войдетъ въ полосу революціоннаго разрушенія, какъ низвергается рѣка въ пропасть водопада. Но что же насъ ждетъ за этой таинственной чертой, гдѣ бурлитъ и пѣнятся волны историческаго потока?

Царство капитализма, отвѣчаютъ намъ нѣкоторые.

Начало соціалистической организаціи Россіи, отвѣчаемъ мы.

IV.

Здѣсь то и выступаетъ съ огромной важностью вопросъ о власти народа, какъ мы уже предваряли въ началѣ статьи. Въ чьихъ рукахъ окажется государственная власть въ переворотный моментъ? Будетъ ли наша революція процессомъ политическаго сплоченія буржуазіи, сопровождаясь переходомъ въ ея руки первенствующаго государственнаго вліянія, или при этомъ, наоборотъ, получитъ преобладающее значеніе масса народа, которая у насъ есть масса-рабочая? Вотъ вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависитъ наша дѣятельность въ подготовительную эпоху, но рѣшеніе котораго въ моментъ развязки тоже значительно зависитъ отъ того, что мы, соціалисты-революціонеры, будемъ дѣлать въ настоящее время. Потому то и нельзя молчать о немъ теперь, нельзя пропускать безъ возраженія такихъ призывовъ къ конституціи, которые пріучаютъ революціонеровъ заранѣе отказываться отъ борьбы за народную власть.

Чѣмъ вызывается, однако, такая преждевременная увѣренность въ побѣдѣ буржуазіи? Какими средствами, какими силами буржуазія можетъ захватить власть и удержать ее? Численно ничтожная, нравственно разрозненная, экономически слабая,—какими чудесными способами она можетъ стать во главѣ государственнаго правленія? Если бы она имѣла достаточно силы, она бы это сдѣлала уже теперь. Вѣдь самодержавная монархія не отказывается отъ союза съ нею, не отказалась-бы конечно и отъ предоставленія ей извѣстныхъ политическихъ правъ, если-бы буржуазія дѣйствительно могла держать Россію подъ своимъ вліяніемъ въ порядкѣ и спокойствіи. Монархія, принужденная убѣдиться въ несостоятельности дворянской опоры, дѣлаетъ со своей стороны для буржуазіи все, что можетъ, поддерживаетъ ее, развиваетъ, поощряетъ и субсидіями, авансами, и тарифами. Царствованіе Александра II было сильнѣйшею попыткой монархіи поставить свою прочность, путемъ организаціи Россіи подъ началомъ буржуазіи. Нужно по совѣсти признаться, что не монархія виновата въ неудачѣ этой попытки. Виновата въ этомъ слабость самой буржуазіи, неспособной поставить на прочную ногу наше производство, поставить посредствомъ него въ экономическую отъ себя зависимость массу народа, выработать себѣ, наконецъ, хотя бы опредѣленное политическое міросозерцаніе и сплотиться въ дѣйствительное сословіе. Ничего этого до сихъ поръ не можетъ достигнуть буржуазія, даже находясь подъ покровомъ мантіи самодержца, подъ прикрытіемъ того довѣрія, которымъ народъ облекаетъ царя, и которое этотъ послѣдній измѣнически отдаетъ къ услугамъ буржуазіи. Какимъ же образомъ съумѣетъ она подчинить себѣ народъ въ революціонный моментъ, когда придется дѣйствовать въ открытую, и когда она увидитъ передъ собою уже не толпу, терпѣливо и довѣрчиво ожидающую, мѣропріятій царя, и потому даже не замѣчающую за его спиной продѣлокъ своихъ эксплуататоровъ—а массу взволнованную неспособную долѣе ждать, не связанную предвзятымъ мнѣніемъ, и сознающую, что въ этотъ моментъ она рѣшаетъ судьбу свою?

Въ политической борьбѣ власть принадлежитъ тому, кто имѣетъ возможность въ каждый данный моментъ выставить на защиту своего дѣла наибольшее количество живой человѣческой силы. Получать эту силу въ свое распоряженіе можно различно: въ вамъ

въ ряды становятся людп по сознанію солидарности интересовъ, къ вамъ приходятъ тѣ, кто находится подъ вашимъ нравственнымъ давленіемъ, вы можете, наконецъ, покупать своихъ бойцовъ или выгонять ихъ на защиту свою посредствомъ какого нибудь экономическаго давленія. Какія же изъ этихъ средствъ находятся въ рукахъ буржуазіи? Сама по себѣ она численно такъ слаба, что ея силы могли бы имѣть значеніе развѣ только въ томъ случаѣ, еслибы народъ, при столкновеніи съ нею, оказывался разбитымъ на очень мелкія, изолированныя группы. Однако же у народа есть нѣкоторые пункты, на которыхъ онъ не можетъ разбиться на группы, а, напротивъ, всегда представляется вполнѣ единодушнымъ. Мы говоримъ о представленіяхъ народа относительно верховной власти, и о его возрѣніяхъ на землю. Верховная власть по возрѣніямъ народа—есть представительство общенародное, а отнюдь не классовое. Только несокрушимою прочностью такого убѣжденія поддерживалась власть самихъ царей. Противъ государства классоваго, если этотъ характеръ его дѣлается сколько нибудь замѣтнымъ, единодушно, станутъ милліоны народа, государственная возрѣнія котораго таковы, что, разочаровываясь въ самодержавіи царей, онъ можетъ перейти только къ самодержавію народа. Впрочемъ этотъ переходъ не составляетъ чего нибудь оригинальнаго. Французскій народъ точно также отъ идеи о самодержавномъ королѣ способномъ говорить *l'état c'est moi*, перешелъ безъ затрудненія къ идеѣ о *peuple souverain*. Господство самодержавнаго народа тамъ не могло фактически установиться, благодаря силѣ буржуазіи, но это уже вопросъ другой, и мы можемъ тутъ лишь напомнить читателямъ то, что говорили во второй главѣ. Не будемъ впрочемъ отклоняться. Итакъ, говоримъ мы, въ революціонный моментъ, нашъ народъ въ политическомъ отношеніи не можетъ оказаться раздробленнымъ, когда рѣчь зайдетъ объ основномъ принципѣ государственной власти. Точно также онъ окажется совершенно единодушнымъ въ экономическомъ отношеніи по вопросу о землѣ, т. е. по вопросу основному для современнаго русскаго производства. Право народа на землю и общенародный характеръ этого орудія труда сознается нашимъ крестьянином ужь конечно не менѣе отчетливо, чѣмъ сознается европейскимъ пролетаріемъ его права на фабрику пропріетера. Для того, чтобы собрать массы въ огромную силу вокругъ этихъ двухъ пунктовъ—не нужно никакой особенной пропаганды; нужно только, чтобы народъ зналъ, о чемъ идетъ дѣло. Что же противопоставитъ буржу-

зіи этимъ милліонамъ? чѣмъ она принудитъ ихъ на уступки и покорность? Ужь не своимъ ли экономическимъ давленіемъ?

Настоящую экономическую власть наша буржуазія имѣетъ только въ сферѣ промышленной. Въ сферѣ земледѣльческаго производства крестьянинъ, какъ общее правило, зависитъ отъ собственника только въ томъ отношеніи, что принужденъ вносить ему арендную плату. Но очевидно, что въ моментъ революціоннаго движенія, при всеобщемъ сознаніи народа своего права на землю, такая зависимость не даетъ собственнику власти надъ работникомъ. Вмѣсто того, чтобы во время революціи пойти за буржуа, имѣя въ виду уменьшенную или отсроченную арендную плату,—крестьянинъ, конечно, предпочтетъ пойти за себя, и владѣть тѣмъ же участкомъ безъ всякой платы. Вообще, до тѣхъ поръ, пока у насъ не организовано крупное сельское хозяйство, забирающее въ свои руки мужика, какъ батрака и наемника,—смѣшно говорить о зависимости народа въ революціонный моментъ отъ собственниковъ земли. Давленіе кулака-ростовщика, спекулирующаго больше всего на неоплатныхъ затрудненіяхъ крестьянина, имѣетъ въ революціонный моментъ едва ли не меньшую силу. Понудительное давленіе на массу буржуазіи несомнѣнно можетъ оказать только въ сферѣ фабричнаго производства. Но достаточно вспомнить общій характеръ нашей промышленности, чтобы не придавать этому давленію преувеличеннаго значенія. Стоитъ вспомнить, что русское сельское хозяйство производитъ ежегодно массу стоимостей на сумму по крайней мѣрѣ 2,560,000,000 рублей, *) въ то время когда производство фабрично-заводское не превышаетъ 452 милліоновъ рублей **). Наша зависимость отъ международнаго рынка опредѣляется опять почти исключительно сельскимъ хозяйствомъ. Стоимость нашего вывоза распредѣляется такъ, что на продукты сельскаго хозяйства приходится 93% а на продукты фабрично-заводскіе всего только 2% ***). Не слѣдуетъ также забывать, что въ этой странѣ, которой промышленная сила въ такой страшной степени опредѣляется земледѣліемъ, — во владѣніи крестьянъ до сихъ поръ находится 120,628,246 дес. земли, тогда какъ въ рукахъ частныхъ собственниковъ всякихъ наименованій только 99,188,867 десятинъ ****). При томъ же — количество земель, принадлежащихъ

*) Вычислено по Янсону.
**) Цифра В. В.
***) Кенигъ.
****) Янсонъ.

крестьянамъ, медленно, но постоянно возрастаетъ: да и владѣльческія земли обрабатываются мужикомъ, въ видѣ общаго правила, какъ арендаторомъ, т. е. при наименьшей степени зависимости отъ собственника. Въ такомъ положеніи—самостоятельныхъ, хотя недостаточно надѣленныхъ, хозяевъ и арендаторовъ у насъ находится масса народа въ 23,000,000*) взрослыхъ мужскихъ душъ; и въ то же время количество фабрично-заводскихъ рабочихъ, находящихся въ болѣе значительной зависимости отъ буржуазіи, не превышаетъ 800,000**) человѣкъ. Какимъ образомъ при такомъ соотношеніи производительныхъ силъ страны буржуазія можетъ произвести на массу народа то громадное давленіе, которое необходимо для устройства государственныхъ и экономическихъ отношеній на началахъ, совершенно чуждыхъ и противныхъ народу?

Никакимъ образомъ это, конечно, и не случится, если только самодержавіе не продержится достаточно долго для того, чтобы дать буржуазіи время окрѣпнуть до такой степени, которая необходима для организаціи всего нашего производства на капиталистическихъ началахъ. Едва ли, однако, самодержавіе имѣетъ само достаточно для этого времени; едва ли Россія въ современномъ хаотическомъ состояніи можетъ ждать, пока буржуазія сдержится сама настолько, чтобы умѣть принести этотъ хаосъ къ какому-нибудь порядку, хотя бы даже буржуазному. Тѣмъ болѣе, что международное положеніе Россіи, съ точки зрѣнія производства, возбуждаетъ весьма сильныя сомнѣнія въ томъ, возможно ли такое сформированіе нашего капитализма вообще. Если же мы доживемъ до крушенія существующаго строя ранѣе этого, то буржуазія не имѣетъ никакихъ данныхъ захватить политическую власть. Масса народа, сила громадная—каждый разъ когда она сплочена, выдвинетъ и поддержитъ только такой строй, въ которомъ будутъ осуществляться главныя основы его міросозерцанія: народное самодержавіе въ государственныхъ отношеніяхъ, и организація земельныхъ отношеній на основаніи общенароднаго права на землю. Въ этомъ смыслѣ **захватъ власти** соціально-революціонной партіей вовсе не представляется ни фантастичнымъ, ни безплоднымъ.

По поводу этого вопроса о захватѣ власти противъ народовольства говорилось очень много, и очень, по большей части, неосно-

*) Янсонъ.

**) Цифра Мин. Гос. Им.; въ этомъ числѣ находится 132,000 малолѣтнихъ, проходящихъ такимъ образомъ школу капитализма самымъ основательнымъ образомъ.

вательно. Любимый пріемъ нашихъ оппонентовъ состоитъ въ побѣдоносномъ опроверженіи того, чего мы никогда не предлагали. Намъ возражаютъ такимъ образомъ, что соціалистическая организація страны декретами временнаго правительства — невозможна. Совершенно соглашаемся съ этимъ, и скажемъ даже больше: мы не считаемъ захвата власти революціонной партіей сколько-нибудь желательнымъ **результатомъ** революціи. Напротивъ, такой фактъ самъ по себѣ служилъ бы доказательствомъ неудачи революціоннаго движенія, и ч. его настоящая цѣль—это именно возбужденіе въ народѣ процесса самостоятельной организаціи, охватывающей между прочимъ и государственныя отношенія. Мы говоримъ иногда о захватѣ власти революціонерами только какъ объ **исходномъ пунктѣ** революціи. Въ этомъ смыслѣ онъ легко можетъ оказаться необходимымъ и полезнымъ. Мы не станемъ останавливаться на опроверженіи мнѣній о невозможности такого захвата. Эти мнѣнія держатся на перетасовкѣ понятій, на разсужденіяхъ о возможности продолжительнаго захвата вмѣсто обсужденія возможности самаго факта захвата. Не подлежитъ сомнѣнію, что вопросъ о захватѣ власти всякою революціонною силою опредѣляется прежде всего тѣмъ, достаточно ли дезорганизовано, расшатано и непопулярно существующее правительство, и если всѣ эти данныя имѣются въ наличности—государственный переворотъ не представляетъ ничего невозможнаго и даже особенно труднаго. Дѣйствительно трудная задача представляется временному правительству лишь потомъ, лишь на вопросѣ о сколько нибудь продолжительномъ удержаніи власти. Однако же это затрудненіе въ наименьшей степени стоитъ именно передъ правительствомъ соціалистовъ-революціонеровъ. Для того, чтобы удержать захваченную власть, они должны только пользоваться ею, и разумѣется, не для созданія соціалистическаго строя. Ближайшая и первая задача побѣдоноснаго временнаго правительства состоитъ въ томъ, чтобы явиться на помощь народной революціи. Захваченная государственная власть должна быть употреблена для того, чтобы повсюду революціонировать народныя массы и организовать ихъ власть, а это —такая задача, при выполненіи которой революціонеры стоятъ на твердой почвѣ. Тутъ временное правительство даже ничего не творитъ, а только разрѣшаетъ силы, существующія въ народѣ и даже находящіяся въ состояніи сильнѣйшаго напряженія. Въ народныхъ понятіяхъ и привычкахъ точно также находится въ наличности достаточно элементовъ для успѣшной организаціи его силъ. Крестьянскій

янство умѣетъ устроить свое самоуправленіе, умѣетъ принять въ мірское владѣніе землю и общественно ею распоряжаться. Временное правительство не имѣетъ тутъ нужды ни приневоливать народную массу, ни учить ее. Оно только помогаетъ ей съ чисто внѣшней стороны. А между тѣмъ каждый шагъ, сдѣланный въ смыслѣ такого употребленія власти, укрѣпляетъ временное правительство, постоянно увеличивая, съ одной стороны, количество силъ, его поддерживающихъ, и въ такой же мѣрѣ ослабляя все больше и больше его противниковъ.

Такъ представляется намъ роль времен. правительства, вынужденнаго захватить государственную власть. Въ результатѣ оно создаетъ не какой нибудь прочный общественный строй, а только вызываетъ силы, необходимыя для его созданія. Оно организуетъ народъ временно и лишь настолько, насколько его самодержавіе можетъ быть осуществлено при такихъ условіяхъ. Оно дѣлаетъ это на такой почвѣ, гдѣ народъ организуется легко и быстро, становясь при этомъ достаточно независимымъ, чтобы при окончательной реорганизаціи государственно-общественныхъ отношеній не находиться подъ непреодолимомъ давленіемъ эксплуататорскихъ слоевъ. Ничего большаго временное правительство сдѣлать не можетъ, но успѣшно исполнивъ эту задачу, оно вполнѣ обезпечиваетъ будущность русской революціи.

Что будетъ дальше? Что дастъ намъ народное самодержавіе, поставленное такимъ образомъ настолько прочно, насколько это возможно безъ окончательной соціалистической организаціи страны? Намъ говорятъ, что затѣмъ все, созданное революціей, мало по малу станетъ разрушаться и приходить къ прежнему порядку. Мы смотримъ на дѣло нѣсколько иначе.

То относительное равенство и та относительная политически-экономическая независимость народа, которыя созданы революціоннымъ переворотомъ, по нашему мнѣнію, достаточно сильны, чтобы создать правительство, вполнѣ демократическое, дѣйствующее и принужденное дѣйствовать въ интересахъ народныхъ массъ. Если мы вспомнимъ громадное, всеопредѣляющее значеніе земли для русскаго національнаго производства, то должны будемъ согласиться, что рѣшеніе аграрнаго вопроса въ смыслѣ принадлежности земли государству и пользованія ею только трудящимися — такое рѣшеніе сразу до чрезвычайности обезсиливаетъ и безъ того слабыя сословія дворянства и буржуазіи. Какія бы то ни были интриги людей этихъ сословій противъ народа станутъ безполезны,

п. ч. вырвать землю изъ рукъ народа, ее захватившаго — это совершенно очевидная нелѣпость; а до тѣхъ поръ, пока земля изъята изъ области эксплуатаціи, народъ закабаливать нѣтъ возможности. Правительство въ собственныхъ интересахъ должно будетъ служить народу, и даже самая предпріимчивость людей изъ буржуазнаго слоя принуждена будетъ, также въ собственныхъ выгодахъ, обратиться на служеніе народу, на организацію его общественнаго производства. Мы дѣйствительно не видимъ причинъ, почему бы организація національнаго производства, при обрисованныхъ условіяхъ, не могла у насъ развиваться совершенно инымъ путемъ, чѣмъ это было сдѣлано капитализмомъ въ Европѣ.

По этому поводу намъ вовсе не зачѣмъ насмѣшливо вспоминать о Перу или Парагваѣ, и толковать о деспотизмѣ коммунистическаго правительства. Правительство, народомъ выбираемое, контролируемое и смѣняемое не можетъ насильно навязывать народу благодѣянія соціализма или коммунизма. Но, съ другой стороны, то же правительство, отвѣтственное за ходъ дѣлъ въ странѣ, заинтересованное въ ея благосостояніи, отъ котораго зависитъ и его собственная популярность, безъ сомнѣнія принуждено будетъ употреблять мѣры къ повышенію производительности труда, а между прочимъ, и къ организаціи крупнаго производства; точно такъ же, какъ принуждено будетъ эти мѣры сообразовать съ установленной политической и соціальной конструкціей народа. Правительство нашихъ императоровъ помогало же развитію капитализма. Одинъ Александръ II затратилъ на его созданіе около двухъ милліардовъ и сообразовалъ съ его цѣлями свою политику, свои тарифы, проведеніе дорогъ, мѣры, облегчающія развитіе пролетаріата и т. д. Безъ такой поддержки развитіе капитализма было бы невозможно. И однако правительство никого не заставляло насильно браться за веденіе крупнаго производства. Оно только облегчало начинаніе и веденіе дѣла для тѣхъ, кто его затѣвалъ. Правительство народное точно также безъ всякой насильственности, можетъ облегчать народу организацію общественнаго производства, причемъ приходитъ на помощь только такому движенію, которое не можетъ не возникать въ странѣ самостоятельно. Выгода и необходимость крупнаго производства слишкомъ очевидна, а во многихъ случаяхъ—оно даже совершенно неизбѣжно. Это легко понять массѣ народа. Сверхъ того частная предпріимчивость, заторможенная на поприщѣ капиталистическаго производства, обратится со всѣхъ сторонъ на разъясненіе народу выгодъ и удобства общественнаго

производства, п. ч. при организаціи его предприниматель, какъ иниціаторъ и способный распорядитель, пріобрѣтаетъ все-таки нѣкоторыя выгоды, меньшія конечно, чѣмъ въ настоящее время, но единственно ему доступныя въ то время. Мы не говоримъ уже о вліяніи на народъ соціалистической интеллигенціи, которая, нарождаясь безпрепятственно, будетъ имѣть возможность затрачивать свои силы полностью на служеніе народу, на организацію его труда и его общественныхъ отношеній. Все это элементы такого процесса, который правительству придется не создавать, а только поддерживать. Почему же такимъ путемъ не можетъ мало по малу создаваться переходъ общины въ ассоціацію, организація обмѣна между общинами и союзами общинъ, самый союзъ нѣсколькихъ общинъ въ цѣляхъ того или другаго производства, пока соціалистическій строй, развиваясь мало по малу и все болѣе вытѣсняя частное хозяйство, не охватитъ наконецъ всѣхъ отправленій страны. Эта задача для осуществленія своего облегчается еще тѣмъ, что народная самостоятельность и иниціатива, въ такомъ процессѣ развитія, не забивается, какъ это дѣлаетъ капитализмъ; количество людей, привыкшихъ обсуждать сложные вопросы общественнаго хозяйства и способныхъ вести его—точно также оказывается безъ сравненія больше, чѣмъ при капиталистическомъ обобществленіи труда, принуждающаго рабочаго, изъ всего, касающагося фабрики, не думать ни о чемъ, кромѣ ручки колеса, которое онъ вертитъ. Вырабатываясь не только какъ сила дисциплинированная, но и иниціативная, рабочій, при такомъ ходѣ обобществленія производства, ускоряетъ наступленіе соціалистическаго строя всей тяжестью своей развитости и привычки къ самостоятельности. Не нужно забывать также, при разсужденіи о развитіи нашей соціальной организаціи—того огромнаго вліянія, которое оказывала и оказываетъ на насъ Европа. Наступленіе соціалистическаго переворота, если не во всей Европѣ, то по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ ея странахъ, быть можетъ, даже именно у нашихъ ближайшихъ сосѣдей—не за горами. А до какой степени это поможетъ намъ въ развитіи національнаго производства въ соціалистическомъ направленіи—объ этомъ излишне даже распространяться. Достаточно вспомнить, что такой переворотъ въ Европѣ поставитъ Россію въ почти безусловную необходимость организовать свой международный обмѣнъ на тѣхъ же началахъ, а стало быть, почти навяжетъ намъ соціалистическую организацію и въ сферѣ внутренняго обмѣна, т. е. поможетъ рѣшить самую трудную задачу, какую только представляетъ правильная постановка національнаго производства.

Нѣмъ могутъ возразить на все это, что такого рода процесса обобществленія труда нигдѣ и никогда не бывало. Конечно. Но вѣдь мало ли чего нигдѣ не бывало. Возникновенія соціалистическаго строя изъ капиталистическаго также никогда еще не бывало. Однако это не мѣшаетъ намъ видѣть неизбѣжность его. На все есть логика, есть оцѣнка положенія вещей, есть болѣе или менѣе вѣрное заключеніе о будущемъ по даннымъ настоящаго. А вотъ съ историческими шаблонами—дѣйствительно не далеко уѣдешь, да иной разъ, пожалуй сыграешь въ руку какъ разъ тому, противъ чего думаешь и хочешь бороться.

V.

Таково представляется намъ значеніе демократическаго переворота въ Россіи, при современныхъ условіяхъ ея политическаго и экономическаго положенія. Народная Воля, по нашему мнѣнію, ведетъ Россію къ соціализму. Она ведетъ къ нему и тѣхъ, которые этого хотятъ, и тѣхъ, кто о немъ не имѣетъ понятія, запрягаетъ въ колесницу соціализма даже и тѣхъ, наконецъ, которые сами по себѣ ему служить вовсе не желаютъ. Соціализмъ у насъ неизбѣженъ, потому что неизбѣжна власть рабочей массы послѣ паденія самодержавной монархіи, уже глядящей въ пропасть, открывающуюся подъ ея ногами. Не чрезъ развитіе капитализма и пролетаріата, а черезъ переходъ земли и государственной власти къ народной массѣ,—мы станемъ входить въ царство соціализма. И это, конечно, случится независимо отъ того, какія статьи и брошюры будемъ писать мы о соціализмѣ, капитализмѣ и пролетаріатѣ. Однако же это послѣднее обстоятельство, представляя, конечно, микроскопически малое колесо въ механизмѣ историческаго развитія Россіи, имѣетъ все таки свое значеніе, потому что производитъ вліяніе на интеллигенцію, революціонное значеніе которой мы считаемъ очень серьезнымъ. Общественная роль интеллигенціи у насъ уже и теперь оказывается чрезвычайно важною; интеллигенція уже и теперь сдѣлала очень много для развитія народа и для ускоренія историческаго процесса, нами переживаемаго. Ея роль пріобрѣтетъ еще большее значеніе въ тотъ моментъ, когда ея энергія, беззавѣтное самоотверженіе и чуткость къ требованіямъ времени понадобятся для нанесенія врагамъ народа рѣшительнаго

удара, отъ успѣха котораго значительно зависитъ весь дальнѣйшій ходъ революціи. Вотъ почему эту драгоцѣнную историческую силу слѣдуетъ тщательно оберегать отъ схоластической ржавчины, способной уничтожить ея лучшія свойства — ея вѣру въ народъ, въ свои собственныя силы, въ революцію.

А между тѣмъ только такое поздѣйствіе на революціонную интеллигенцію могутъ оказывать голоса, призывающіе ее къ разнымъ старчески практичнымъ задачамъ, вродѣ борьбы за либеральную конституцію, съ отказомъ всякой надежды осуществить власть народа всей силою экономической независимости, какой только мы можемъ добиться для него въ каждый данный моментъ. Не упоминаемъ уже о насажденіи пролетаріата и т. п. Надѣемся, что революціонеры никогда не дойдутъ до такого состоянія, при которомъ у кого бы то ни было хватило смѣлости развивать теорію практически до такихъ предѣловъ откровенности. Но привести интеллигенцію въ водовороты Сциллы и Хорибды можно и не доходя до Геркулесовыхъ столповъ. Скажемъ поэтому въ заключеніе еще нѣсколько словъ по поводу соціально революціонной умѣренности и аккуратности. Всѣ эти планы не «практичны», а просто близоруки. Это та самая практичность, которая держитъ въ состояніи политическаго ничтожества нашихъ либераловъ; практичность слѣпаго, который можетъ быть, конечно, поступитъ очень благоразумно, направляясь вдоль тротуара, кругомъ площади, по заученному пути, вмѣсто того чтобы пересѣчь площадь прямо—но во всякомъ случаѣ по этому же самому не годится въ проводники. Онъ принужденъ идти за зрячими, какъ и наши конституціоналисты постоянно плетутся въ хвостѣ революціи. Можетъ быть, для себя они и поступаютъ благоразумно. Но совсѣмъ не такъ поступать нужно передовому бойцу революціи, который принужденъ идти впереди другихъ и долженъ раньше всѣхъ понять и почувствовать, когда можно крикнуть смѣлое „*osez!*“ Не держась за фалду фабриканта, приведемъ мы къ чему нибудь рабочую массу. Не для буржуа мы должны добывать конституцію, да и вообще не конституціи, а народной власти должны мы добиваться. Не обезземеливать народъ должны мы для этого, не развивать пролетаріатъ, не насаждать капитализмъ, а укрѣплять силу и независимость народа экономически, политически, умственно и нравственно, всѣми средствами и способами, какіе имѣемъ подъ руками въ каждый данный моментъ и при каждыхъ данныхъ обстоятельствахъ. Только такимъ путемъ мы поможемъ ему добиться власти, русска-

го соціализма на прямой и ближайшій путь, слѣдуя по которому мы и сами не становимся въ необходимость выворачивать на изнанку свои нравственныя понятія и приносить современнаго живого человѣка въ жертву предполагаемому благу будущихъ поколѣній.

Л. Тихомировъ.

Библиотека ИРЭЛ